

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

12913

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1882

10-

АХАЛЬ-ТЕКИНЦЫ

I.

Говорить о Туркменіи вообще я не могу, не имѣя достаточно данныхъ. Ограничу мою задачу описаніемъ одной отрасли Туркменъ, особенно знакомой намъ по прошлогодней экспедиціи, а именно Текинцевъ. Приводимыя ниже историко-этнографическія свѣдѣнія относительно этого племени почерпнуты мною отчасти изъ разказовъ туземцевъ, отчасти изъ записокъ полковника Куролаткина. Какъ увидитъ читатель, они весьма немногосложны. Текинцы одинъ изъ сильнѣйшихъ туркменскихъ родовъ, религіи магометанской, секты суннитской, владѣютъ полосой земли у подошвы Копендагскихъ горъ длиной до 280 верстъ, а въ ширину около 20. Дѣлятся на два поколѣнія: Тохтамышцевъ и Утемышцевъ, и на двѣ группы: Мервскихъ и Ахаль-Текинскихъ. Всего ихъ не болѣе 60.000 кибитокъ. Затѣмъ, Ахаль-Текинцевъ по образу жизни можно раздѣлить на кочевыхъ и полусѣдлыхъ. Первые (*горва*) занимаются скотоводствомъ, вторые (*гомуръ*) земледѣльцы. Несмотря на высокое искусство съ какимъ они обрабатываютъ землю, обращая при помощи канавъ искусственнаго орошенія и другихъ приспособленій песчаную пустыню въ роскошный садъ, быть кочевникомъ у нихъ все-таки почетнѣе, нежели земледѣльцемъ. Земледѣлецъ вѣчно

привязанъ къ своему дому и землѣ, постоянно обремененъ не-
равностию каждому Текинцу работой; война, набѣги, грабежъ—
для него идеалъ недосягаемый. Притомъ въ случаѣ испрія-
тельскаго наладенія онъ теряетъ все, верѣдко самую жизнь,
въ то время, какъ вольной птицѣ-кочевнику стоить лишь пе-
ренести свое кочевье. Поэтому не удивительно что всѣ зажи-
точные члены рода принадлежать къ *горги*, бѣдные къ *го-
луру*. Иногда впрочемъ случается что у кочевника отца сынъ
землепашецъ и наоборотъ.

Сто лѣтъ назадъ Мервскій оазисъ составлялъ цвѣтущую
персидскую провинцію. Бухарскій ханъ Эмиръ Моассумъ въ
1784 году овладѣлъ Мервомъ и опустошивъ этотъ богатѣй-
шій край, переселилъ жителей въ Бухару. Въ 1799 Мервъ
занялъ туркменскій родъ Сарыкъ, а въ 1834 этотъ родъ
вытѣснили Ахаль-Текинцы, до сихъ поръ признающіе власть
Хивинскаго хана, власть совершенно номинальную, потому
что они никогда не платили ему дани.

Вотъ и вся извѣстная намъ исторія текинскаго племени.
Мнѣ удавалось слышать о существованіи грамотъ бывшихъ
Текинскихъ владѣтелей, Чынгиръ-хана и Надиръ-шаха, будто-
бы опредѣляющихъ ихъ личныя и поземельныя права, но ви-
дѣть не пришлось вслѣдствіе враждебности тогдашнихъ отно-
шеній съ Текинцами.

II.

Насколько блѣдна и не интересна исторія настолько ори-
гинальны и интересны нравы и обычаи Ахаль-Текинцевъ.
Беззабѣтная храбрость и самолюбивая гордость—основныя
черты въ ихъ характерѣ. Уже по важной, презрительной
осанкѣ видно какимъ кровнымъ аристократомъ считаетъ себя
Текинецъ; затѣмъ спокойный, твердый взглядъ, даръ слова,
отсутствіе унижительнаго поклона со скрещенными на груди
руками, присущаго всѣмъ народамъ Востока, невольно за-
ставляютъ васъ обращаться съ нимъ иначе чѣмъ съ Персі-
яниномъ, Бухарцемъ и т. п.

Текинецъ съ дѣтства привыкаетъ къ свободѣ и умѣетъ за-
щищать ее. Въ четырнадцать лѣтъ онъ вполне правоспособ-
ный членъ семьи и общества. Ханъ, сердаръ, аксакаль,
мулла признаются имъ настолько насколько они кажутся
ему нужными, и не могутъ разчитывать на повиновеніе.

Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Въ 1877 году къ генералу Ломакину явился одинъ изъ сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ, ахаль-текинскихъ хановъ Софи-ханъ, управлявшій ближайшими къ Красноводску „курганами“ (аулами), и отъ лица всего народа заявилъ согласіе добровольно перейти въ подданство Русскаго Царя и на русскихъ подданныхъ Туматовъ не нападать ни въ какомъ случаѣ. Переговоры еще не были окончены какъ 9 ноября того же года іомутскій аулъ Дажлы-Кабыль, лежащій только въ тридцати восьми верстахъ отъ Красноводска, разоряется до чиста текинскою молодежью; часть ограбленныхъ жителей избивается, часть уводится въ плѣнъ; Текинцы идутъ далѣе съ намѣреніемъ продолжать свое кровавое дѣло. Къ счастью русскій отрядъ вовремя отогналъ ихъ отъ другихъ ауловъ ожидавшихъ той же участи. Очевидно, ханъ началъ переговоры не заручившись согласіемъ своихъ подчиненныхъ, и переговоры эти, при бесилии ханской воли, не привели ни къ какому результату.

Обязательную силу имѣютъ только постановленія народнаго собранія. Здѣсь рѣшаются всѣ важныя вопросы, напримѣръ, о войнѣ, о заключеніи мира и т. п. Въ послѣднее время народное собраніе собиралось неоднократно. Когда генералъ Ломакинъ письменно требовалъ отъ Текинцевъ чтобы они немедленно возвратили іомутскихъ плѣнниковъ, если не хотятъ увидѣть въ оазисѣ русскіе штыки, народное собраніе было созвано въ Геокъ-Теле. Тамъ подъ предѣтельствомъ Курбана-Мурада-Имама было постановлено уважить желаніе генерала, несмотря на неудовольствіе хозяевъ плѣнниковъ, которые не получили ни малѣйшаго выкупа.

Затѣмъ собиралось еще народное собраніе послѣ того какъ Текинцы, подбитые яримъ руссофобомъ Худай-Верди-ханомъ на измѣну Русскимъ, услышали о походѣ русскихъ войскъ на оазисъ. Со страху они немедленно постановили послать нѣсколькихъ хановъ съ изъявленіями покорности.

Въ прошломъ году на собраніи въ Денгиль-Теле во время нашей экспедиціи было рѣшено бороться на смерть. Послѣдствія этого рѣшенія достаточно извѣстны.

Въ народномъ собраніи принимаютъ участіе всѣ способные носить оружіе. Каждый взрослый Текинецъ имѣетъ на немъ право голоса. Но иногда оно составляется изъ депутатовъ отъ каждаго кургана, а иногда изъ хановъ, сердарей и

другихъ старшинъ. Духовныя лица имѣютъ въ подобныхъ собраніяхъ нередко преобладающее значеніе; по умѣнью разжигать религіозныя страсти. Многіе изъ нихъ совершали далекія путешествія въ Мекку, нѣкоторые лобывали въ Константинополь, а одинъ доходилъ даже до могилы Али въ Венгріи. Благодаря такимъ благочестивымъ путешествіямъ, всѣ эти имамы, муллы, ходжи и хаджи окружены въ глазахъ народа ореоломъ святости, особенно видѣвшіе могилу Пророка. Безъ ихъ участія не обходится ни одно важное государственное событіе: ни объявленіе войны, ни заключеніе мира, ни подчиненіе иноземному государю.

III.

Интересенъ обычай созванія шайки на набѣгъ. Кто-нибудь изъ сердарей или просто храбрыхъ и опытныхъ Текинцевъ выставляетъ у себя предъ кибиткой длинную пику, на которой навязанъ родъ флага—яркоцвѣтный платокъ. Вѣсть о призывѣ разносится по ауламъ съ быстротою молніи. Молодежь жаждущая приключеній и наживы собирается со всѣхъ сторонъ, втыкая пику у кибитки сердаря. Какъ скоро ихъ окажется нужное для набѣга количество, дается сигналъ къ выступленію. Съ этой минуты шайка поступаетъ подъ строгую команду атамана. Добыча распределяется заранѣе: извѣстная часть атаману, извѣстная муллѣ, остальное дѣлится между простыми всадниками. Женщины въ это время готовить продовольствіе—жареныя въ бараньемъ салѣ лепешки, приблизительно на восемь дней. Наконецъ сборы окончены, шайка трогается, провожаемая благословеніями муллъ и имамовъ, ободрительными криками стариковъ, а не рѣдко и умильными просьбами женщинъ... о золотыхъ и серебряныхъ украшеніяхъ. О! онѣ не пропустятъ случая напомнить лишній разъ своимъ мужьямъ и братьямъ объ этихъ такъ необходимыхъ имъ предметахъ!.. Комплектъ лошадей у шайки непременно двойной. До границы она добирается на тѣхъ что похуже, ведя хорошихъ въ поводу, съ границы плохія лошади отправляются обратно, и дальнѣйшій походъ дѣлается уже на свѣжихъ лихихъ скакунахъ. Заботливость Текинца о лошади въ походѣ изумительна. Въ то время какъ самъ онъ часто въ ломотьяхъ, лошадь его постоянно въ серебрѣ,

золотѣ и дорогихъ половахъ; самъ онѣ мучится голодомъ, а лошадь доѣдаетъ его собственныя послѣднія лепешки, онѣ томится жаждой, а ужъ не утерпитъ чтобы не напоить ее остатками воды засыхающаго колодца. И надо замѣтить что текинская лошадь стоить такого вниманія. По бѣгу, выносливости и красотѣ она бесспорно изъ лучшихъ въ Средней Азійи и едва ли уступитъ даже арабской. Не даромъ дороже роднаго брата цѣнить ее Текинецъ.

Вооруженіе шайки обыкновенно пестрое и плохое, не то что у сосѣдей—Персіанъ, Бухарцевъ и др. У однихъ кавъзниковъ острыя и какъ у всѣхъ магометанъ-Азіатовъ кривыя сабли, но изъ неважнаго матеріала, хорошіи клинокъ, рѣдкость; у другихъ тяжелыя длинныя калсюльвыя ружья, короткихъ немного. Иногда къ нимъ придѣлываются рожки изъ кости, на которые кладется, если это нужно, ружье во время стрѣльбы. У большинства—пики, и у всѣхъ по небольшому ножу—принадлежность каждаго Текинца. Рѣдко попадается и русская двустволка.

Очевидно съ такимъ вооруженіемъ можно разчитывать на успѣхъ единственно при быстротѣ и неожиданности нападенія. И Текинцы понимаютъ это отлично. Какъ молнія налетаютъ они на блуждающіе въ степи персидскіе, бухарскіе и хивинскіе караваны, о которыхъ нерѣдко сообщаютъ имъ персидскіе начальники (конечно за хорошее вознагражденіе). Рѣзня происходитъ безплощадная. Черезъ нѣсколько мгновеній сопротивленіе становится невозможнымъ. Уцѣлѣвшіе сдаются и уводятся въ плѣнъ, шайка съ добычей исчезаетъ еще быстрее чѣмъ произвела нападеніе. Тотъ же приемъ употребляется при набѣгѣ и на города, на аулы. Но вотъ что изумительно: Текинцы весьма рѣдко нападаютъ на такіа мѣста гдѣ можно ожидать потери, изумительно тѣмъ болѣе что репутація ихъ храбрости безупречна. Грабежъ города или аула сопровождается страшнымъ кровопролитіемъ; все престарѣлое населеніе немилосердно вырѣзывается, молодые и дѣти забираются въ плѣнъ для торговли на средне-азіатскихъ рынкахъ человѣческаго мяса. Болѣе всего страдала отъ текинскихъ набѣговъ персидская провинція Хирасанъ, но 150 лѣтъ назадъ въ царствованіе Аббасъ-Мирзы въ сѣверную часть Хирасана было выселено до 15.000 семей Курдовъ, и въ настоящее время они составляютъ преобладающую часть населенія въ провинціяхъ Дерегаса, Бунджури и Куганъ. Курды

представляютъ надежный оплотъ противъ Текинцевъ; не мѣше воинственные они отвѣчаютъ на каждый набѣгъ тѣмъ же.

Какъ бы то ни было, Текинецъ въ настоящее время гроза Средней Азіи. Его имя—синонимъ разрушенія. Онъ гроза трусливыхъ сосѣдей—Хивинцевъ, Бухарцевъ. На грабежъ и на убійство у него свои оправданія. Убивая Европейца онъ выполняетъ требованія Корана: Европеецъ „дауръ“, а „дауровъ“ надо бить. Магометъ судить ему гурій за этотъ религіозный подвигъ, словомъ, какъ разъ ту прелесть которою онъ по бѣдности не пользовался въ этомъ мірѣ, если разумѣется не принадлежалъ къ счастливому сонму хановъ и сердарей; убивая Персіянина онъ убиваетъ еретика, шиита, и мулла докажетъ ему что за это никакого наказанія не полагается, все равно какъ за смерть Хивинца, Бухарца или Авганца, съ которыми у него старинная „кровавая мѣсть“.

Кровавая мѣсть—обычай весьма распространенный между Текинцами, какъ и вообще между всѣми народами на низшей ступени культурнаго развитія. Не рѣдко, начинаясь изъ-за лустяковъ, изъ-за какого-нибудь краденаго барана, она втягивается въ борьбу цѣлыхъ племена и скоро принимаетъ характеръ и размѣры междуусобицы. Аулы съ обѣихъ сторонъ горятъ яркимъ пламенемъ, отбивается баранта и верблюды, нѣтъ лошады даже дѣтямъ и женщинамъ, вопреки обычаю всѣхъ патріархальныхъ воинственныхъ народовъ. У кавказскихъ племенъ, у Черногорцевъ, Арабовъ—вездѣ женщина пользуется безопасностью во время междуусобной войны и даже въ случаѣ надобности находитъ покровительство у той самой партіи которая съ удовольствіемъ убьетъ ея мужа, брата или сына. У Текинцевъ наоборотъ, и это обстоятельство еще болѣе разжигаетъ общее ожесточеніе. Воюють не только отдѣльныя племена, но даже аулы распадаются на враждебные лагеря, часто случается что члены одной и той же фамиліи встрѣчаются на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Самое устройство текинскихъ селеній указываетъ на ихъ любовь къ вѣчнымъ ссорамъ. Дома непременно съ бойницами, на случай неожиданнаго нападенія сосѣдей, на огородѣ башни, тоже съ бойницами. Въ обычаѣ „выкупъ“ за убитаго или за нанесенную рану; размѣръ выкупа называется каждый разъ особо родственниками убитаго или раненаго. Замыреніе выражается въ цѣлованіи

виновника съ родственниками потерпѣвшаго и начальниковъ обоихъ родовъ. Затѣмъ приносятся самый выкупъ и обычные подарки. Все завершается пиромъ, на которомъ почетное мѣсто отводится пилаву, баранинѣ и кислому верблюжьему молоку. Если же примиреніе не состоялось, и вражда продолжается со всеми ея кровавыми послѣдствіями, въ дѣло вмѣшивается народное собраніе. Но конечно и оно оказывается безсильнымъ, когда вражда принимаетъ характеръ племеннаго поединка, какъ это было въ недавнее время между Мервомъ и Ахаль-Теке. Открылъ рѣзню Нуль-Верди-ханъ мервскій. Онъ двинулъ 2.000 всадниковъ на восточную часть Ахаль-Текинскаго оазиса, которою владѣли четыре хана. Пслѣ долгой, ожесточенной борьбы дѣло однако кончилось ничѣмъ. Мы не говоримъ уже о постоянныхъ схваткахъ съ Юмутами, Соларами и другими маленькими народцами: онѣ обыкновенное явленіе.

IV.

Печальна участь того кому доведется попасть въ лѣвѣ Текинцамъ. Многие изъ нашихъ солдатъ испытали это на себѣ. Приводимый ниже разказъ принадлежитъ канониру Никитѣ Цивашеву, проведенному около трехъ мѣсяцевъ въ текинскихъ аулахъ.

7 октября 1878 года, шестеро канонировъ: я, Мягкій, Пантюшинъ, Зиманъ, Петинъ и Макаровъ отправились безъ оружія на десять верстъ отъ крѣпости Чата ласти, верблюдовъ и набрать корму для лошадей. Придя на мѣсто и не ожидая никакой опасности мы разошлись въ разныя стороны чтобы скорѣе окончить дѣло. Одинъ со скуки лѣлъ, другой насвистывалъ, третій табачкомъ баловался, но никто не замѣтилъ что изъ кустарника давно подкарауливаютъ насъ разбойничьи рожи Текинцевъ. Выждавъ удобную минуту они бросились на насъ съ дикимъ крикомъ. Мы бросились бѣжать, но развѣ можно убѣжать отъ быстрой лошади Текинца. Не сплсали насъ и поля засѣянные рожью. Одинъ только Макаровъ успѣлъ уйти на нѣсколько сотъ шаговъ, но эта дерзость не прошла ему даромъ: взбѣшенный Текинецъ однимъ ударомъ отсѣкъ бѣглецу голову и затѣмъ, соскочивъ съ лошади, нѣсколько разъ проткнулъ еще трепещущій трупъ маленькимъ ножомъ. Наконецъ, убѣдившись что Макаровъ отдалъ Богу

душу, она сваязъ съ убитаго салоги и брюки и присоединилась къ своимъ товарищамъ. Мы въ это время стояли согнанные въ кучу; происходившая предъ нашими глазами вышеописанная сцена оледѣнила въ насъ кровь, казалось сердце по временамъ перестаетъ биться. Между тѣмъ убійца, глядя на насъ улыбающимися глазами, говорилъ что-то товарищамъ. Одно мгновеніе мы думали что и всѣхъ насъ ожидать участь Макарова. Наконецъ ударъ нагайки по лицу и выраженное знаками приказаніе слѣдовать за побѣдителями рѣшили сомнѣнія. Намъ оставляли жизнь! Слава Богу! Мы можемъ еще наткнуться на казачьи пикеты. Можетъ-быть и правительство приметъ въ насъ участіе, выкупить или потребуетъ нашей выдачи. Наконецъ намъ улыбалась надежда на побѣгу. Удары текинской веревки скоро отрезвили наши мечтанія. Насъ погнали въ аулъ. Но трудно было сравняться въ выносливости съ текинскими лошадьми. Чѣмъ дальше мы шли тѣмъ болѣе уставали и тѣмъ болѣе доставалось намъ ударовъ. Боль была нестерпимая. Веревка врѣзывалась въ тѣло; мѣстами сочилась кровь; начались головокруженія. Но все это не надолго. По крайней мѣрѣ у меня спина и плечи скоро омертвѣли и я ничего уже не чувствовалъ. Во все время нашего бѣдственнаго путешествія мы не услѣли даже переговорить другъ съ другомъ, только изрѣдка слышался отчаянный вопль Петина: „Господи Боже мой, умираю!..“

Такъ шли мы почти рысью до вечера. Вечеромъ отдохнули на берегу какой-то рѣчки. Текинды наложили лошадей, но намъ воды не дали. А жажда мучила ужасно. За каллю воды кажется отдалъ бы все въ мірѣ. Зиминъ такъ и бросился къ рѣкѣ, но текинская веревка удержала несчастнаго.

Все время получасоваго, если такъ выразиться, отдыха Текинды горячо разсуждали о чемъ-то. По жестамъ было видно что они не знали какъ насъ раздѣлить. Одинъ изъ нихъ подходилъ ко мнѣ, медленно и внимательно осматривалъ мои ноги и руки, одобрительно качая головой. Другіе продолжали ту же процедуру съ моими товарищами. Вышелъ еще споръ повидимому изъ-за нашихъ костюмовъ; наконецъ намъ приказали встать и тронуться въ путь.

Всю ночь мы тащились привязанные веревками къ лошадямъ; утромъ часа съ три отдыхали въ степи, часовъ въ десять двинулись снова и наконецъ съ невѣроятными усилиями добрались до крѣпости Кара-Кала. На встрѣчу вышелъ весь

ауль; и старыя и молодежь. Всѣ громкими криками привѣтствовали возвратившихся съ набѣга наѣздниковъ. Насъ ждали привѣтствія иного рода. Мушкеры били ногами, женщины плевали въ глаза, дѣти бросали въ лицо грязью, наши хозяева стегали насъ веревками чтобы выразить крайнюю степень презрѣнія къ проклятымъ гяурамъ. Намъ оставалось только проклинать день рожденія и несчастную судьбу! Никогда я не просилъ смерти, но тогда умеръ бы съ удовольствіемъ. Нескончаемый рядъ оскорбленій, плевокъ, удары, страданія отъ вчерашнихъ побоевъ,—все это отозвалось во мнѣ какою-то тулою, нецѣлѣною болью зетемнявшею сознание.

Замѣтивъ что мы еле-еле держимся на ногахъ, намъ приказали свѣсть и изъ какой-то грязнѣйшей посуды дали напиться, но не вдоволь. Нѣсколько лепешекъ утолили нашъ голодь. Нечего и говорить какими вкусными онѣ оказались, несмотря на постоянныя плевокъ въ лицо и стрѣльбу навозомъ.

Теперь у насъ настала минута переговорить другъ съ другомъ. Но никто не заговаривалъ. Одинъ только произнесъ съ тоской въ голосъ: „пропали мы!“ „Вишь проклятые херисти, покою не даютъ!“ отозвался другой, злобно глядя на кидавшихся грязью ребятшекъ. Этимъ и кончился разговоръ.

На другой день насъ раздѣли почти догола и одежду межъ собой раздѣлили. Меня и Петина погнали наѣво, остальныхъ направо. „Прощайте братцы!“ прозвучалъ тоскливый общій крикъ, и мы разстались.

Говорятъ есть много мученій на свѣтѣ, но едва ли есть болѣе жестокое какъ идти по острымъ камнямъ и колючкѣ безъ обуви. Сначала еще стараешься выбирать мѣсто, но это ни къ чему не служитъ. Текущу нѣтъ ни охоты ни надобности обѣзжать неудобья для ходьбы мѣстности, и вы, притянутой веревкой къ лошади, идете не разбирая на что наступаете. Колючки вливаются въ подошву, камни рвутъ кожу, боль страшная, но вы къ ней уже привыкли. Вы ни на что уже не обращаете вниманія. Отчаяніе притуляетъ даже физическую боль.

Такимъ-то образомъ мы шли до ночлега. Я уснулъ какъ убитый. На другой день часовъ въ 11 утра мы были уже въ Кара-Калы. Встрѣтили насъ такъ же какъ и въ предыдущемъ аулѣ. Повторились обычные радостные крики адресованные нашимъ мучителямъ и плевокъ, ругань и оскорбленія

намъ. Нѣсколько дней мы не знали покоя, пока къ намъ не привыкли.

Хозяинъ нашъ былъ бѣднякъ и даже не имѣлъ цѣльной кибитки. Все его имущество заключалось въ прелестной лошади и пожилой Персіянкѣ-рабынѣ. Лошадь по ночамъ заковывалась, очень ужъ боялся хозяинъ чтобъ ее не угнали, меня на ночь привязывали къ лалаткѣ. Двадцатифунтовыя кандалы само собой.

Черезъ нѣкоторое время мое положеніе опредѣлилось. Я рабъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Мои обязанности въ тасканіи воды и сборѣ на топливо колючки. Въ случаѣ плохого сбора меня бьютъ такъ что кости хрустятъ. Кормятъ плохо, на день полагается не больше полутора фунтовъ делешекъ, жареныхъ въ бараньемъ салѣ, разъ въ недѣлю лилавъ. Въмѣсто одежды идетъ халатъ старый-престарый, шалка солдатское кели и всегда безъ салогъ. Слустя нѣкоторое время мнѣ разрѣшаютъ свиданія, съ Петинимъ живущимъ въ подобной же обстановкѣ. Сядемъ, поговоримъ о бѣгствѣ, о выкупѣ, о свободѣ. Два часа пролетаютъ незамѣтно. Пора ло домамъ... Дома единственное существо симпатизирующее мнѣ лѣнная Персіянка. Одинаковая бѣдственность положеній сближаетъ людей, и мнѣ только остается благодарить Бога что у Текинцевъ нѣтъ обычая заковывать женщинъ.

Въ одно прекрасное утро около кибитки нашего хозяина столпился весь почти аулъ. Въ чемъ дѣло? Оказалось что это намъ такая честь. Весь аулъ пришелъ обращать насъ въ магометанство. Но мы отказались на отрѣзъ. „Лучше умереть чѣмъ измѣнить православію!“ Первое повидимому было весьма возможно; по крайней мѣрѣ апостолы магометанства яриши въ такую ярость что принялись бить насъ чѣмъ попало. Но къ счастью вступились хозяева. Мы вѣдь все-таки были имъ дороги какъ дорога всякая рабочая сила.

Наконецъ мѣсяца черезъ два я получилъ письмо отъ моего командира, штабсъ-капитана Гойтинова, въ которомъ онъ убѣждалъ меня не унывать, возложить упованіе на Бога и т. п. Письмо оканчивалось обѣщаніемъ выручить меня въ скоромъ времени. Я со своей стороны описалъ какъ умѣлъ всѣ мои мученія и просилъ послѣшить, пока я не умерь. Петинъ между тѣмъ, помня поговорку: „на Бога уповай, а самъ не лошадай“, попробовалъ было спастись собственными силами и уже убѣжалъ на десять верстъ, но на

одинадцатой былъ схваченъ. Хозяинъ, узнавъ о побѣгѣ, взбунтовалъ весь аулъ. Всѣ у кого случились на ту пору лошади, пустились въ погоню и Петинъ былъ привезенъ обратно, избитый безъ милосердія. У Текинцевъ стыдъ и срамъ тому аулу, изъ котораго убѣжить лѣвникъ, вотъ почему они такъ усердно и преслѣдуютъ бѣжавшаго.

Вслѣдъ за полученіемъ письма отъ командира со мною начали обращаться по человѣчески, лицу улучшили и увеличили. Текинецъ чуялъ выкупъ, а это для него великое дѣло. Вскорѣ пріѣхалъ Текма-сердаръ (тотъ самый что въ прошлую экспедицію слѣдовалъ вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ и подъ конецъ бѣжалъ); онъ увезъ меня въ свое селеніе, гдѣ я и прожилъ двадцать дней въ полномъ довольствіи. Мясa, молока, лепешекъ было сколько душѣ угодно. Затѣмъ сынъ Текмы препроводилъ меня въ землю Гоклановъ. Я шелъ все время лѣшкомъ, но такъ уже привыкъ къ этому способу путешествія что не чувствовалъ боли. Въ землѣ Гоклановъ я прожилъ 18 дней, а на девятнадцатый былъ отосланъ въ Чатъ на руки пристава, капитана Якубова.

Участь Петина—несчастіе; его купила богатая текинская вдова и никакъ не хочетъ выпустить, пока Русскіе не возвратятъ взятаго въ лѣвъ ея сына. Затѣмъ въ текинскихъ аулахъ томятся еще трое солдатъ. Недавно (въ 1879 г. въ августѣ) сотня казаковъ освободила рядоваго Александропольскаго полка—забылъ его фамилію. Онъ былъ закованъ въ лудовыя кандалы. Жизнь его у Текинцевъ во многомъ напоминаетъ приключенія Цивашева. Только женщины отнеслись къ нему благосклоннѣе. Днемъ въ присутствіи мужей онъ дѣлалъ видъ что его и не замѣчаютъ, но по ночамъ когда мужей не было дома, онъ старались всѣми способами развлечь скучающаго лѣвника. Александропольецъ даже покраснѣлъ на этомъ мѣстѣ разказа, хотя и прибавилъ послѣ минуты молчанія: „а все-таки, ваше благородіе, въ лѣвну должно-быть хуже чѣмъ въ аду“. Блѣдная, исхудалая его физиономія была лучшимъ доказательствомъ такой неожиданной сентенціи.

V.

Разъ упомянувъ о текинскихъ женщинахъ, я считаю своею обязанностью подѣлиться съ читателемъ и другими собранными мною свѣдѣніями относительно какъ физическихъ и моральныхъ особенностей этихъ женщинъ, такъ и условій ихъ быта. Начнемъ съ наружности. На избалованный глазъ Европейца она едва ли покажется привлекательною. Цыганская смуглость кожи, черные суженные глаза, ротъ большихъ размѣровъ, черные густые волосы и выдающіяся скулы приближаютъ Текинокъ къ монгольскому типу, а ранняя половая жизнь, начинающаяся съ тринадцатаго года, кладетъ на ихъ лица непріятный отпечатокъ изнуренія и преждевременнаго увяданія, предъ которымъ блѣднѣютъ обычныя достоинства текинской женщины: красивый стройный ростъ и сильно развитыя упругія формы. Одежда у всѣхъ одинаковая: разноцвѣтный халатъ, не безъ вкуса вышитый шелками, затѣмъ шаровары и широкій поясъ, отдѣланный серебромъ и камнями сердолика. Серебряныхъ украшеній множество; они вездѣ: въ ушахъ, на головѣ, на шеѣ: вѣдь не даромъ же грабилъ Текинецъ шесть столѣтій Среднюю Азію.

Несмотря на низкій уровень цивилизціи Текинскаго народа, женщина находится совсѣмъ не въ такомъ печальномъ положеніи въ какомъ мы привыкли встрѣчать ее у другихъ народовъ Востока, а особенно въ Средней Азіи. Она живетъ такъ же открыто, свободно, какъ и ея мужъ. О покрывалѣ закрывающемъ Турчанку она не имѣетъ понятія. Каждый посторонній можетъ имѣть къ ней доступъ. На общественныхъ пиршествахъ и увеселеніяхъ у нея свое мѣсто, какъ и за семейнымъ столомъ. Въ случаѣ жестокаго обращенія мужа она имѣетъ право требовать суда и даже развода. Падъ ея имуществомъ мужъ не имѣетъ никакой власти,—онъ не можетъ напримѣръ распоряжаться приданнымъ женою—кибиткой, въ которой она и живетъ послѣ свадьбы, не смѣшиваясь съ другими женами мужа. При разводѣ она имѣетъ полное право унести съ собою все свое имущество, которое принесла изъ родительскаго дома. Текинецъ въ свою очередь имѣетъ право бросить безнаказанно жену только въ извѣстныхъ случаяхъ опредѣленныхъ обычнымъ правомъ. Къ числу

такихъ случаевъ относится, напримѣръ, бездѣтность жены, зараженіе ея какою-нибудь хроническою прилипчивою болѣзнію и т. под.

Рожденію Текинки отецъ радуется почти какъ и рожденію сына. Падкій до наживы, онъ съ перваго же дня новорожденной начинаетъ мечтать о богатомъ „калымѣ“, который получить за будущую красавицу-дочь. Первоначальнымъ воспитаніемъ ребенка занимается мать; рѣдко оно представляется рабынямъ. На шестилѣтнемъ возрастѣ дѣвочку учатъ прясть шить и вязать знаменитые текинскіе ковры, съ которыми не могутъ сравниться даже персидскіе. Трудно представить сколько изящества, вкуса въ этихъ рисункахъ и узорахъ вытканыхъ руками Текинки безъ помощи какихъ бы то ни было инструментовъ. А между тѣмъ одна женщина въ теченіе года приготовляетъ обыкновенно до двухъ и трехъ ковровъ въ пять аршинъ шириной и въ десять длиной. Этими коврами устилаются кибитки, а иногда, особенно въ праздничные дни, обиваются снаружи.

Такъ растетъ дѣвочка, помогая работать матери, до десяти или—самое большее—до двѣнадцати года: въ этомъ возрастѣ, благодаря климатическимъ условіямъ, она становится способною быть матерью. Отцы пятинадцатилѣтнихъ мальчугановъ держатъ ее на примѣтѣ. Скоро начинается сватовство. Отецъ жениха отправляется къ будущему тестю узнавать сколько онъ хочетъ калыма за свою дочь. Тотъ въ восторгѣ, заветная мечта о богатомъ калымѣ исполняется. Онъ принимаетъ важный видъ и не безъ эффекта объявляетъ: „сто барановъ и нѣсколько верблюдовъ“. Отецъ жениха пораженъ такою дороговизной и даетъ половину. Начинается переторжка. Въ самую рѣшительную минуту появляется на сценѣ невеста. Она видимо подготовлена къ пріѣзду отца жениха—продѣта и причесана. „Ты только взгляни на нее, могу ли я взять меньше? жалобно взываетъ ея батюшка.— Чѣмъ не хороша она? Давай, не скупись; вѣдь не найди тебѣ лучше!“ Отецъ жениха мало-по-малу сдается,—вопросъ только въ приданомъ, но онъ разрывается къ общему удовольствію. Отецъ невесты пересчитываетъ ея имѣніе.—„У нея три кибитки, пять ковровъ, четыре дорожки, нѣсколько халатовъ, ожерелье и множество другихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній; видишь, мой другъ, какую находку ты

нашелъ“.—„Аллахъ милостивъ!“ отвѣчаетъ тотъ и оба садятся на полъ и начинаютъ руками уничтожать рисовую кашу и жареную баранину.

Такимъ образомъ часто случается что женихъ и не видитъ невесты до дня свадьбы. Бываетъ и наоборотъ: молодые люди обходятся и безъ участія отцовъ. Въ этомъ случаѣ женитьба украшается какимъ-нибудь романтическимъ происшествіемъ, которое всегда оканчивается удачно если у жениха есть чѣмъ заплатить „калымъ“ и очень грустно для него если нечѣмъ. Родня невесты мститъ оскорбителю и не рѣдко убиваетъ его. Не рѣдко ссора оканчивается и примиреніемъ: молодца отправляютъ на грабежъ, и онъ не имѣетъ права возвратиться прежде чѣмъ наградитъ на уплату калыма. Такого рода происшествія служатъ обыкновенно любимой темой текинскихъ народныхъ пѣсень.

VI.

Въ глухую полночь, въ Теръ-Сакана, у пылавшаго костра, сидѣлъ я съ карандашикомъ и листкомъ бѣлой бумаги въ обществѣ пралорщика Самата, Татарина говорящаго по-текински, и двухъ пожилыхъ Текинцевъ. У нихъ, благодаря коньяку, давно развязался языкъ и загорѣлась кровь. Вдругъ одинъ изъ нихъ, смуглый какъ ночь, прожившій уже полстолѣтія, слабымъ и тихимъ голосомъ затянулъ пѣсню, болѣе похожую на речитативъ чѣмъ на пѣніе, содержаніе которой я и передаю:

Готовъ и я! Верблюды навьючены,
Сняты кибитки хозяйскія...
Прелестный край покидать мнѣ приходится!
Воды ужъ нѣтъ, родники все повысохли,
Какъ алмазъ небо чистое.
Не одинъ иду я въ степь глубокую,
Весь аулъ со мною тронулся,
И она идетъ, красавица.
Хороша она! Стань—арабской лошади,
Брови—крылья ворона,
Рѣсницы—копья вострыя,
Берегуція очи черныя.
Очи черныя—звѣзды ясныя,
А какъ взглянешь въ лицо ея бѣлое,—

Точно копыя вострыя
 Въ груди твердой сердце нѣжное
 Прокальваютъ!..
 А волосы... Что за волосы!..
 Не хуже гривы лошади,
 Не жестче телка мягкаго,
 Змѣиныхъ кожь нѣжнѣй.
 А ротикъ, кровью смазанный!
 Горячѣ оны въ десять разъ
 Десяти огней,
 Полнѣ оны въ десять разъ
 Десяти ручьевъ,
 Сладче меда сладкаго.
 Охъ, позволь же мнѣ, красавица,
 Прикоснуться къ ротуку,
 Что горяче пламени,
 Богаче быстрого ручья!
 Тогда согласенъ буду, милая,
 Прожить съ тобой всю жизнь мою
 Въ пустырь глухомъ, засушенномъ.
 Боишься ль ты что углядитъ отецъ
 И скажетъ: „брось ты бѣднаго!“
 Нѣтъ у него и барана ни единого...
 А ну его! Пусть ворчитъ что вздумаетъ
 Только ты-то полюби меня, милая!
 Какъ полюбимъ ты—мнѣ все равно
 Убитымъ быть или задушеннымъ!
 Согласна ли, моя дѣвушка?
 Бѣжимъ скорѣе въ горячіе пески.
 Среди ласкъ любви посмѣемся мы
 Надъ ночью темною,
 Надъ ночью темною, надъ звѣздами ясными,
 Надъ звѣздами ясными, надъ сѣдымъ отцомъ.
 А поймаютъ насъ—мнѣ все равно
 Убитымъ быть... Убитымъ быть
 Или задушеннымъ...
 И убѣжали мы въ пески горячіе,
 Цѣловались столько разъ
 Сколько звѣздъ на небѣ было.
 И вдругъ чортъ вскружилъ намъ голову:
 Проспали ночь темную
 Подъ небомъ голубымъ.
 А на зорѣ предъ нами сталъ
 Отецъ озлобленный съ саблей острою, наточенною.

Грозилъ оны мнѣ: „убью тебя!
 Убью тебя какъ Персіянина!“
 Отвѣтилъ я: „мнѣ все равно
 Убитымъ быть, убитымъ быть
 Или задушеннымъ“.
 Но храбрый Теке пощадилъ меня,
 Пощадилъ съ такимъ условіемъ:
 „Дамъ тебѣ я саблю вострую,
 И лошадь быструю, какъ молнія,
 Отправляйся къ трусамъ Персіи
 И ограбь ихъ ты, какъ слѣдуетъ,
 Затѣмъ, съ калымомъ приходи
 И дочку милую возьми,
 Дочку милую, несчастную.
 А то—Кораномъ я клянусь!—
 Убью тебѣ какъ Персіянина.“
 И я поѣхалъ въ страны Персіи,
 Ограбилъ тамъ кибитки съ три,
 Угналъ коней съ верблюдами,
 Калымъ богатый выплатилъ
 И взялъ съ собою милую.
 Мнѣ не все равно теперь—
 Убитымъ быть или задушеннымъ.

Изъ этого обралика народной поэзіи (за дурной не рѣ-
 мованный переводъ котораго я прошу извиненія у читателей)
 видно что закаленный въ бояхъ, вѣчно занимающійся грабе-
 жемъ и убійствами Текинецъ способенъ любить и любить
 такъ нѣжно и пламенно какъ дай Богъ Европейцу. Мнѣ
 скажутъ: что за любовь, если жену покупаютъ какъ барана?
 но я отвѣчу на это что остатокъ древняго обычая, покупка
 и продажа невѣсты, сохранился у всѣхъ народовъ, и намъ са-
 мимъ въ нашей жизни приходится нерѣдко наблюдать подоб-
 ныя же явленія, только въ менѣе грубой, въ вылощенной
 формѣ.

VII.

Но чѣмъ больше и нѣжнѣе любитъ Текинецъ молодую же-
 ну тѣмъ холоднѣе и беззаботнѣе относится къ старымъ и
 въ случаѣ опасности оставляетъ ихъ безъ сожалѣнія на про-
 изволь судьбы. Такъ мнѣ разказывалъ пралордикъ Саматъ
 что когда оны во время набѣговъ на колодцы въ пескахъ
 атакывалъ текинскій аулъ, поднимавшійся съ мѣста, то

Текинцы, увидѣвъ свое безвыходное положеніе, оставили старыхъ бабъ, а съ молодыми ускакали на быстрыхъ лошадяхъ въ лески. Одна изъ собранныхъ мною пѣсень говоритъ между прочимъ:

Я окружень, и все пропало...
 Не въ плѣнь ли суждено попасть?
 Жену, дѣтей и три кибитки,
 Верблюдовъ всѣхъ возьмутъ они,
 Эти изверги, скоты!
 Бѣжать мнѣ нужно,
 Самъ Аллахъ бѣжать велитъ.
 Оставлю жъ я всѣхъ женъ моихъ,
 Возьму одну—новобрачную мою.
 Лихой насъ конь умчитъ далеко
 Въ глухую степь.
 А тѣ—старье; умрутъ—не жалко,
 Дѣтей Аллахъ подастъ всегда:
 „Она“ такъ красива, молода.
 Итакъ бѣжать! Мой острый мечъ
 Сумѣетъ путь для насъ просѣчь!

Не рѣдко Текинецъ измѣняетъ старымъ женамъ даже для рабынь-Персіянокъ, хотя никогда не женится на рабыняхъ, какой бы онѣ ни были націи и вѣры. Въ этихъ случаяхъ онъ пользуется просто правомъ хозяина. Тилъ персидскій у Текинцевъ не рѣдкость, какъ и рабыня Персіянка. Въ какихъ отношеніяхъ находятся хорошенькія плѣнницы къ законнымъ женамъ видно изъ слѣдующей пѣсни:

Не будь ты рабыней, прелестная Персіянка,
 Владѣла бы ты сердцемъ молодымъ,
 Любила бы тебя я больше лошади
 И кибитки родовой,
 Больше сабли окровавленной
 И конья ядомъ смазаннаго.
 Но ты рабыня, и быть матерью
 Не можешь сыну моему.
 Оставимъ поэтому грезы пустыя,
 А то увидать жены вѣрныя,
 Одаряютъ лицо твое бѣлое,
 Испортятъ твои плечи алыя,
 Отрѣжутъ косы черныя,
 Закуютъ въ цѣпи холодныя:
 Въ нихъ ты будешь вѣчно мучиться.

Мнѣ жаль тебя, но все равно
 Полюбѣ—куда не шло—меня, красна дѣвица;
 Бѣги со мной въ ночь темную,
 Проведемъ въ любви ее,
 Пока ясная заря востока не покажется,
 Румянымъ вуалемъ укутанная,
 На головѣ жемчужину несущая,
 Звѣзду утреннюю, блестящую.
 Пойдешь ли ты? Гляди—любю какъ Персіянка!
 Ужъ кипитъ у меня кровь горячая,
 Сердце бьется молодецкое,
 И конь стоитъ осѣдланый.
 А ночь смотри какая темная!
 Темнѣе она глухой могилы,
 Но коротка какъ жизнь людская.
 Иди скорѣй!

Такимъ образомъ положеніе красивой Персіянки можетъ назваться невыносимымъ. Съ одной стороны она должна удовлетворять желаніямъ своего хозяина, и если заупрямится подвергается опасности быть убитою; съ другой ее преслѣдуетъ ревность ея хозяекъ, которыя изъ зависти къ ея красотѣ строго слѣдятъ за поведеніемъ рабыни и чуть замѣтятъ что-нибудь подозрительное, то бьютъ несчастную, царапаютъ ей бѣлое лицо, отрѣзываютъ лучшее украшеніе женщины волосы и держатъ въ лудовыхъ кандалахъ, пока не утерается красота опасной соперницы. Случается и такъ что когда рабыня родитъ ребенка, то остальные жены его немедленно или убиваютъ или продаютъ.

Ревность присуда и Текинцу, но довольно строгая нравственность текинскихъ женщинъ не даетъ поводовъ къ ея возбужденію. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстенъ одинъ только случай кровавой расправы съ измѣнницей, и то потому что въ немъ соблазнителемъ явился одинъ изъ офицеровъ нашего экспедиціоннаго отряда, прапорщикъ милиціи Нуровъ.

Онъ пріѣхалъ къ намъ въ 1877 (какъ разъ въ то время когда генералъ-майоръ Ломакинъ собирался сдѣлать маленькую рекогносцировку въ Ахаль-Текинскій оазисъ) и былъ прикомандированъ къ казакамъ, именно къ Лабинской сотнѣ. Онъ былъ молодой человекъ и очень красивый и стройный, не безъ природнаго ума, но мало образованный и притомъ до того пылкій что то и дѣло навлекалъ на себя

непріятности съ начальствомъ и товарищами: не даромъ онъ въ Дагестанѣ родился. Въ обществѣ офицеровъ его менѣе любили чѣмъ боялись имѣть съ нимъ какое-либо столкновение. Хорошо знавшіе его люди увѣряли что его гордость, самолюбіе и честолюбіе были безмѣрны. Привычка гулять одному и мечтать о чемъ-то, а также страсть къ азартной игрѣ въ карты еще болѣе отбѣняли оригинальную физиономію Нурова.

Картежная страсть его и погубила. Онъ вѣчно проигрывалъ, и чѣмъ дальше тѣмъ больше входилъ въ долги. Проигравъ однажды небольшую сумму казенныхъ денегъ, не зная чѣмъ ее пополнить, онъ напалъ на мысль о побѣгѣ къ Ахаль-Текинцамъ. Другіе объясняли причину побѣга его постоянной мечтой сдѣлаться текинскимъ ханомъ.

А убѣждалъ онъ слѣдующимъ способомъ. Выѣхавъ однажды со своимъ вѣстовымъ казакомъ изъ крѣпости Чата, онъ приказалъ казаку слѣзть съ лошади, отдать ему берданку съ патронами и ждать на мѣстѣ пока онъ не вернется съ охоты. Казакъ, ничего не подозрѣвая, исполнилъ приказаніе офицера, ждалъ его до ночи, и только потомъ уже донесъ начальству о случившемся. Немедленно были высланы пикеты для розысканія исчезнувшаго, но поиски были напрасны: Нуровъ въ это время былъ уже въ оазисѣ.

Пріѣхавъ къ Текинцамъ, разказывалъ послѣ Текма, вашъ офицеръ немедленно доказалъ что онъ магометанинъ и притомъ шіитъ, чѣмъ и заслужилъ радушный пріемъ хозяевъ. Онъ много разказывалъ о Россіи и Европѣ, хвасталъ своимъ высокимъ происхожденіемъ и личнымъ знакомствомъ съ „Бѣлымъ Царемъ“ и т. п. По-татарски онъ говорилъ безъ ошибокъ, и значить Текинцы понимали его свободно.

Немедленно до пріѣзда въ оазисъ онъ переслалъ какимъ-то способомъ записку своему бывшему начальству, въ которой извинялся что не предупредилъ о своемъ побѣгѣ. Записка оканчивалась обѣщаніемъ оказать современемъ великія услуги Россіи. О, въ то время у него были великіе замыслы!

Между Текинцами жилось ему недурно: они угощали его бараниной, а онъ ихъ сказками о Европѣ. Но время шло, а мечта о ханствѣ не осуществлялась. Текинцамъ и въ голову не приходило сдѣлать ханомъ малоизвѣстнаго бѣглеца. Чѣмъ бы увѣнчались его поканія — сказать трудно: судьба распо-

рядилась съ нимъ совершенно иначе. Увидѣвъ однажды жену какого-то Мурада, по словамъ Текмы, красавицу неопи-санную, онъ влюбился въ нее что называется по уши. Красавица отвѣчала ему тѣмъ же. Скоро эта связь стала извѣстна всему аулу и наконецъ самому Мураду. Мурадъ недолго думалъ: подкарауливъ однажды влюбленныхъ онъ ихъ обоихъ изрѣзалъ въ куски. Такъ погибъ нашъ прапорщикъ, жертвой своего пылкаго темперамента, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ.

А Мурадъ своимъ поступкомъ заслужилъ всеобщее одобреніе: такого рода убійство невѣрной жены и ея любовника на мѣстѣ преступленія санкціонировано Кораномъ. Я даже слышалъ, что и двое дѣтей несчастной женщины были убиты по подозрѣнію не отъ благодарнаго ли пришлеца они происходятъ.

VIII.

Трудно сказать какую роль играетъ женщина въ общественныхъ сходахъ, хотя и есть факты заставляющіе предполагать что роль эта не пассивная. Мнѣ лично въ послѣднюю Ахаль-Текинскую экспедицію по всей дорогѣ приходилось слышать что Текинцы укрѣпились въ Денгиль-Теле, взявъ съ собою своихъ женъ и дѣтей, а на мои вопросы: „почему они не спрятали ихъ въ другое болѣе безопасное мѣсто?“ мнѣ отвѣчали что хотя Текинцы и знаютъ какъ мало Урусъ оскорбляетъ женщинъ и убиваетъ дѣтей и что хотя они имѣли возможность укрыть тѣхъ и другихъ въ горахъ или пескахъ, но мужья и жены не согласились на разлуку, а ханы, сердари и имамы были за то чтобы женщины присутствовали при сраженіи, ободряли храбрецовъ и упрекали трусовъ. Такіе отвѣты вполнѣ подтвердились. 28 августа, при извѣстномъ штурмѣ Денгиль-Теле, я лично видѣлъ какъ женщины со стѣнъ и валовъ бросали камни, а многіе солдаты разказывали что женщины лодивали ихъ кипяткомъ. Кавалеристы стоявшіе на другой сторонѣ видѣли какъ женщины снимали съ убитыхъ Текинцевъ оружіе и надѣвали на себя. Въ то время какъ женщины пытались выйти изъ аула, а наша кавалерія

препятствовала ихъ выходу, одна изъ Текинокъ поболтавъ о чемъ-то съ Текинцемъ начала говорить съ нашимъ Дагестанцемъ и схвативъ его за руки этимъ позволила безнаказанно убить его Текинцу. Другая неся на рукахъ груднаго ребенка долго болтала на непонятномъ намъ языкѣ съ однимъ казакомъ, умоляя его о чемъ-то, и затѣмъ неожиданно пришла въ ярость, бросила ребенка подъ копыта лошадей, а сама накинулась на казака и схватила его за саблю.

Про третью разказывалъ мнѣ докторъ Н слѣдующее: штурмъ главными силами еще не былъ произведенъ, какъ я, находясь съ кавалеристами, встрѣтился лицомъ къ лицу съ выходящими изъ Денгиль-Тепе Текинками. Одна изъ нихъ еле двигалась, большое пятно крови показывало что она была ранена. И дѣйствительно при перевязкѣ оказалось что бедренная кость была въ двухъ мѣстахъ разбита въ дребезги. Несмотря на мучительную боль, отъ этой женщины никто не слышалъ ни крика, ни стона. Она только и спросила: „умру ли я?“ „Конечно умрешь“, отвѣтилъ ей равнодушный Дагестанецъ. „Что жь, пусть умру, отозвалась она презрительно, но все-таки Аллахъ дастъ намъ побѣду.“

Осколько ихъ пало при штурмѣ Денгиль-Тепе отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня, Аллахъ одинъ вѣдаетъ, и все-таки онѣ не просили своихъ мужей сдаться „джаурамъ“.

Интересный фактъ случился по пути къ Денгиль-Тепе въ аулѣ Дурума. Тамъ въ одной *кале* укрѣпился какой-то старикъ и упорно стрѣлялъ въ нашъ разъѣздъ, который вообразивъ что тамъ устроена засада принялъ должныя предосторожности, окружилъ *кале* и занялъ ее. Но какая же оригинальная картина предстала предъ глазами разъѣзда: смертельно раненный Текинецъ и возлѣ него какая-то женщина заряжавшая ему ружье.

Эта самая или—не знаю, хорошо—другая встрѣтила нашихъ солдатъ, искавшихъ дровъ, на порогѣ своего дома и хотѣла ранишь одного изъ нихъ ножомъ. Но тотъ проговоривъ флегматично: „спасибо, бабушка, ножъ пригодится“, быстро вырвалъ его у нея изъ рукъ.

Осколько я ни старался узнать какія существуютъ или, по крайней мѣрѣ, существовали въ этомъ народѣ героини, но узнать ничего не могъ. Разъ только мнѣ удалось слышать слѣдующую пѣсню:

Не храберъ однако ты!
Во сто разъ храбрѣй тебя Текинка;
Не разъ она на лихомъ конѣ
Во бою была,
Трусозъ къ прялкѣ привязывала и т. д.

Въ заключеніе я могу прибавить что въ Средней Азии нерѣдко встрѣчаются женщины играющія большую политическую роль. Такъ, на примѣръ, въ Коканѣ Худояръ-ханъ далъ женщинѣ чинъ гинъ-датха (генераль-майора) и она называлась Курмоджанъ-датха.

И. ПОПОВИЧЪ-ЛИШОВАЦЪ.